

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля ¹⁾).

Изъ предыдущихъ моихъ воспоминаній о процессахъ Овсянникова, игуменъ Митрофанія, Колемина и др., производившихся въ Петербургѣ, видно, какъ относилась въ мое время прокуратура къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій.

Это возбужденіе, возлагаемое закономъ, по ст. 297 Уст. Угол. Суд., на прокурора, должно слагаться изъ двоякаго рода дѣйствій: по *проверкѣ* свѣдѣній, дающихъ основаніе и даже обязывающихъ начать уголовное преслѣдованіе, и по самому *начатию* преслѣдованія путемъ предложеній о производствѣ слѣдствія, привлеченіи обвиняемаго и принятіи противъ него предупредительныхъ отъ побѣга мѣръ. Уголовное преслѣдованіе слишкомъ серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни послѣдующее оправданіе судомъ, ни даже прекращеніе дѣла до преданія суду—очень часто не могутъ изгладить матеріальнаго и нравственнаго вреда, причиненнаго человѣку поспѣшнымъ и неосновательнымъ привлеченіемъ его къ уголовному дѣлу. Знаменитый канцлеръ Дагессо называлъ осужденіе невиннаго *une calamité publique*. Такое же *обѣдствіе*, только менѣе громкое, но одинаково тяжелое и далеко не всегда поправимое, вносящее скорбь, смущеніе и боль въ жизнь человѣка и окружающихъ его—составляетъ неправильное привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Предвзятость взгляда,—малодушное желаніе „*jurare in verba magistri*“,

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь, 1911 г.

когда такой *magister*, въ лицѣ высшаго судебнаго чина высказываетъ свое мнѣніе о „несомнѣнной“ виновности того или другого лица,—и наконецъ хмѣль власти, бросающійся иногда въ молодую и непривычную къ ней голову—все это способствуетъ той поспѣшности въ привлеченіи, о которой не могутъ не пожалѣть всѣ друзья истиннаго правосудія. Отсюда необходимость самой точной провѣрки дошедшихъ до прокурора свѣдѣній о событіи преступленія и объ участіи въ немъ опредѣленнаго лица.

Средствомъ для такой провѣрки служитъ, согласно указаніямъ закона, полицейскій розыскъ и дознаніе, при чемъ производство ихъ можетъ состоять или въ „негласномъ полицейскомъ развѣдываніи“ или въ разспросѣ разныхъ лицъ, не облакаемомъ въ строгія формы допроса. Каждый опытный судебный дѣятель знаетъ, какъ часто такая провѣрка обращаетъ суровыя очертанія преступленія въ простой несчастный случай и какъ удостовѣренная дознаніемъ дѣйствительность опровергаетъ тревожную молву, разбиваетъ подозрѣнія и рисуется событіе въ его настоящемъ, иногда даже нѣсколько комическомъ видѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, на полуразгруженной дровяной баркѣ, стоявшей на Фонтанкѣ, обнаружены были случайно кости запястья человѣческихъ рукъ, завернутыя въ бумагу, носившую слѣды крови. Для мѣстныхъ властей было очевидно, что тутъ скрыты слѣды или убійства,—при чемъ члены лишеннаго жизни умышленно разбрасывались въ разныхъ мѣстахъ, чтобы затруднить открытіе преступленія,—или, по крайней мѣрѣ, какого-то звѣрскаго изувѣченія. Извѣстіе о страшной находкѣ проникло въ мелкую прессу,—и „пошла писать губернія“. Прежде, однако, чѣмъ предлагать слѣдователю о производствѣ слѣдствія на основаніи составленнаго полиціей протокола, я поручилъ мѣстному товарищу прокурора произвести личное дознаніе—и что же оказалось!?—Онъ обратился къ профессору Ландцерту, и тотъ объяснилъ, что это дѣйствительно кости ступней и запястья, но только не человѣка, а небольшого медвѣдя, а дальнѣйшее дознаніе выяснило, что кости были выброшены изъ близлежащаго магазина скорняка, приготовлявшаго мѣховую подстилку изъ шкуры только что убитаго на охотѣ медвѣдя... Надо замѣтить однако, что полицейскіе чины, отвлеченные обыкновенно отъ порученій судебнаго свойства массою дѣла по наружной полиціи, не всегда имѣли время и надлежащій навыкъ для успѣшнаго производства дознаній по серьезнымъ, въ смыслѣ сложности и тонкости уликъ, дѣламъ, а иногда бывали и подъ вліяніемъ предвзятыхъ или рекомендованныхъ взглядовъ. Достаточно указать изъ дѣлъ, въ которыхъ я выступалъ обвинителемъ, хотя бы на то, что по собраннымъ полиціей свѣдѣніямъ—поджогъ Овсянниковской

милльонной мельницы представлялся простою печальною случайностью, которой мѣсто въ „дневникѣ приключеній“, и что утопленная самымъ жестокииъ образомъ своимъ мужемъ въ Ждановкѣ жена служителя номерныхъ бань Емельянова — утонула по собственной оплошности. Поэтому приходилось прибѣгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ производству дознаній лично или чрезъ своихъ товарищей. Не говоря уже о блестящемъ дознаніи, произведенномъ А. А. Марковымъ по дѣлу о поджогѣ Овсянниковымъ своей мельницы, не могу не вспомнить о порученныхъ мною товарищамъ моимъ—Кесселю и Гогелю, дознаніяхъ по поводу распространившихся въ обществѣ слуховъ (оказавшихся ложными) о погребеніи мнимо-умершей баронессы Ф., по которому возникало обвиненіе въ отсутствіи обращенія надлежащаго со стороны читальщика и сторожа церкви въ Сергіевой пустыни вниманія на раздававшіеся изъ зачатнаго гроба стоны,—и о камеръ-юнкерѣ Ф., задавившемъ, въ Петергофѣ, во время непомѣрно быстрой ѣзды, дѣвочку и усиѣвшаго ускакать, пользуясь растерянностью свидѣтелей несчастія.

Мнѣ лично пришлось не разъ производить такія же дознанія. Изъ нихъ мнѣ памятны особенно три: о смотрителѣ Литовскаго замка маіорѣ Н., подговаривавшемъ, по заявленію двухъ арестантовъ, нѣкоторыхъ изъ содержащихся въ замкѣ нанести побой товарищу прокурора Ш., завѣдывавшему арестантскою частью;—о самоубійствѣ мѣщанки Р. и о цѣлой компаніи шантажистовъ. Въ *первомъ* случаѣ личное дознаніе было необходимо, чтобы безпристрастною рукою закрѣпить данныя, при краснорѣчивой наличности которыхъ начальству предприимчиваго маіора не оставалось бы ничего другого, какъ предать его суду. Во *второмъ*—дѣло шло о несчастной женщинѣ, бывшей въ связи съ однимъ изъ титулованныхъ представителей „золотой молодежи“ и покинутой имъ съ выдачею, на черный день, векселя. Когда она, подвигнутая нуждою, заявила ему, что предъявить вексель ко взысканію, онъ обратился, съ обвиненіемъ ея въ шантажѣ, въ учрежденіе, когда-то основанное, по мысли Императора Николая Павловича, „для утиранія слезъ“ страждущимъ, но вскорѣ поставившее себѣ другія цѣли. Для „выясненія обстоятельствъ“ былъ командированъ очень представительный и сладкорѣчивый видный чиновникъ, вызывавшій „шантажистку“ въ здаціе у Цѣпного моста въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ ежедневно и державшій ее въ страхѣ и томительномъ ожиданіи своихъ уговоровъ „бросить это дѣло“, по нѣсколькимъ часамъ кряду. Она возвращалась домой голодная, истомленная и въ ужасѣ предъ тѣмъ, „что день грядущій ей готовить“. Наконецъ взвинченные нервы

ея не выдержали, и она наложила на себя руки, оставивъ письмо на имя своей „жертвы“ съ укорами ему за то, что вслѣдствіе его заявленій она была подвергнута такимъ испытаніямъ. Необходимо было и въ этомъ случаѣ, по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и въ предыдущемъ, произвести, внѣ всякихъ вліяній, личное дознаніе, съ разспросомъ разнородныхъ свидѣтелей прежде, чѣмъ на нихъ могло быть оказано давленіе. Узнавъ, что мною не только начато, но и продолжается дознаніе, за которымъ вырисовывается на горизонтѣ обвиненіе въ злоупотребленіи властью, побудившемъ къ самоубійству, сладкорѣчивый „уговариватель“ сталъ являться въ мою камеру и осаждалъ меня настойчивыми просьбами выслушать его объясненія. Я это исполнялъ, но—грѣшный человѣкъ!—заставивъ его въ нѣкоторой мѣрѣ испытать на себѣ тѣ часы томительнаго ожиданія, на которые онъ такъ щедро обрекъ несчастную самоубійцу.

Третій случай представляетъ своеобразный интересъ. Уже и тогда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ, конечно въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь, былъ распространенъ тотъ противуестественный порокъ, который въ послѣднее время, найдя себѣ якобы научныхъ защитниковъ и апологетовъ, въ родѣ профессора Аллетрино, распустился пышнымъ махровымъ ядовитымъ цвѣткомъ въ Берлинѣ, гдѣ „урининги“ (спеціальное названіе этихъ господъ) устраиваютъ свои балы и маскарады, имѣютъ свой клубъ и, по временамъ, всплываютъ во всей красѣ своего порочнаго недуга въ громкихъ процессахъ, какъ напримѣръ графа Эйленбурга и другихъ. Хотя теперь въ литературѣ по уголовному праву и проводится нѣкоторыми мысль о ненаказуемости этого порока, какъ извращенія, вложеннаго въ иные организмы самою природой, но нашъ законъ еще грозитъ строгими карами свободному упражненію въ этихъ утонченностяхъ. Онъ безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду, что обыкновенно удовлетвореніе порочныхъ наклонностей направляется съ жадностью прозелитизма на болѣе или менѣе беззащитныхъ, вслѣдствіе ихъ возраста, неразвитія, бѣдности или психопатической организаціи. Ограждая послѣднихъ, законъ не можетъ допускать, чтобы порокъ выступалъ, со всѣми своими матеріальными соблазнами, явно и съ гордо поднятымъ челомъ. Тамъ, гдѣ понятіе о *грѣхѣ* утратило свою силу, гдѣ исчезло изъ общественнаго оборота понятіе о *стыдѣ*, единственной защитой общественной нравственности—является *страхъ* наказанія. Оно, это наказаніе, можетъ быть слабо и, по человѣчеству, снисходительно, но оно должно существовать, доказывая, что вопросы общественной нравственности не безразличны для государства, исполняющаго свое культурное назначеніе. Этотъ страхъ наказанія и связаннаго съ нимъ позора можетъ однако являться средствомъ для

шантажа, и это обязываетъ судебную власть къ особой осторожности во всѣхъ случаяхъ, когда имѣется на лицо обвиненіе въ склоненіи кого-либо къ этому пороку. Такой именно случай и былъ въ моей практикѣ. Градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ прислалъ мнѣ въ февралѣ 1875 г. три протокола, составленные сыскною полиціей по заявленію пяти лицъ о любодѣйныхъ предложеніяхъ имъ стороны людей, занимавшихъ различные служебные посты въ провинціи и временно проживавшихъ въ Петербургѣ. Каждое такое заявленіе опиралось на свидѣтельскія показанія. Разсматривая внимательно эти разновремененно составленные протоколы, я замѣтилъ, что обвинители и свидѣтели все одни и тѣ же лица, лишь мѣняющіяся, въ разныхъ комбинаціяхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ одномъ заявленіи о сдѣланномъ ему предложеніи и о сопровождавшихъ таковое дѣйствіяхъ обиженнымъ являлся сынъ коллежскаго регистратора Михайловъ, а свидѣтелями—мѣщанинъ Мироновъ, солдатскій сынъ Процекъ, лифляндецъ Андерсонъ и шведскій подданный Норбергъ; въ другомъ—негодующее заявленіе исходило отъ Процека, а Михайловъ и другіе были свидѣтелями,—въ третьемъ заступникомъ за свою оскорбленную стыдливость выступалъ Андерсонъ, а свидѣтелями были Процекъ и остальные и т. д.

Я вызвалъ къ себѣ этихъ „потерпѣвшихъ“ для личнаго съ ними ознакомленія и увидѣлъ молодыхъ людей, очевидно уже прошедшихъ „огонь, воду и мѣдныя трубы“, съ наглыми лицами, „безпокойною ласковостью взгляда“, развязными ухватками и въ очень странныхъ костюмахъ. На 17-лѣтнемъ Михайловѣ, заявившемъ, что онъ кончилъ гимназію, т. е.—прибавилъ онъ—вышелъ изъ второго класса, служилъ писаремъ, состоялъ „по домовою конторѣ“ и ничѣмъ опредѣленнымъ не занимается, была яркая канаусовая рубашка, съ очень низко вырѣзаннымъ воротомъ, подпоясанная серебрянымъ шнуркомъ, плисовые истертые шаровары и сабоги съ красными отворотами,—на 19-лѣтнемъ Мироновѣ, по занятіямъ пѣвчемъ и бывшемъ лакеѣ у гробовыхъ дѣлъ мастера, былъ старый сюртукъ, изъ котораго онъ давно выросъ, съ тальей на груди и рукавами, кончающимися немного ниже локтя, и длинная, не по росту, бархатная жилетка. Они путались въ объясненіяхъ, постоянно ссылаясь другъ на друга и не приготовясь подтвердить эти ссылки—и сходились лишь въ томъ, что постоянно пребываютъ въ верхней галлерей (тогда такая существовала) Пассажа, въ билльярной тамъ же, и при входѣ въ циркъ—и что всѣ они отлично выпили и вкусно поужинали въ дорогомъ ресторанѣ Дюссо, подписавъ, вмѣсто уплаты, счетъ именемъ одного изъ „обидчиковъ“, оставивъ при этомъ въ удостовѣреніе личности распорядителя обѣда, его офи-

ціальную визитную карточку, взятую вмѣстѣ съ деньгами изъ бумажника, „оброненнаго“ имъ, когда онъ дѣлалъ недостойныя предложенія. Я пригласилъ и злополучныхъ провинціаловъ, желавшихъ испить изъ чаши удовольствій Петербурга, посѣщая циркъ и Пассажъ,—и тамъ попадавшихъ на удочку этой темной компаніи. Оказалось, что отдѣльные члены этой шайки то просили имъ, юнымъ и неимущимъ, подарить билетъ для входа въ циркъ, то умоляли посѣтить тяжело больную мать, то взывали о помощи для уплаты въ училище, изъ котораго исключены за неплатежъ, то, заведя разговоръ въ качествѣ сосѣдей по мѣсту въ театрѣ или въ конкѣ, приглашали къ себѣ, обѣщая познакомить съ интересной и ласковой къ прїѣзжимъ дамой—и везли въ сыскное отдѣленіе, или въ домъ, гдѣ помѣщаются бани или номера—и тамъ или просто на улицѣ подымали скандалъ на почвѣ своего оскорбленнаго цѣломудрія, требуя денегъ за безчестье и пользуясь оторопѣlostью своего новаго знакомаго для похищенія у него разныхъ цѣнныхъ вещей. При отказѣ или малой готовности растерявшася и легковѣрнаго „благодѣлителя“, они призывали полицію и составлялся протоколъ, заставлявшій послѣдняго терять голову, умолять о прекращеніи этого срама и т. д. Наиболе типичный изъ этихъ случаевъ былъ даже не съ провинціаломъ, а съ пользовавшимся общимъ уваженіемъ, весьма пожилымъ столичнымъ почетнымъ мировымъ судьей, который, направляясь на Михайловскую площадь, въ сельско-хозяйственный клубъ, былъ при проходѣ чрезъ роковой Пассажъ, остановленъ молодымъ человѣкомъ (Процекомъ), просившимъ помощи для умирающей отъ злой чахотки матери. Они вышли вмѣстѣ на Итальянскую, и здѣсь судья далъ просителю три рубля. „Что это?—спросилъ тотъ нахально и вызывающе мѣняя тонъ—развѣ мнѣ три рубля слѣдуетъ? ахъ ты, старый песъ! такія гадости предлагаешь, да тремя рублями думаешь отдѣлаться! *пятьдесятъ!* и сію же минуту!—Что? да вы съ ума сошли!—А! ты такъ... ей!“ — и съ противоположнаго тротуара явился другой молодой человѣкъ. „Ты слышалъ, что этотъ старый чортъ предлагалъ? — Да! конечно... — Ну, видишь—плати сейчасъ с... с...—Да вы оба съ ума сошли! Я позову полицію! —А! полицію... господинъ городской! господинъ городской!—пожалуйте сюда: вотъ этотъ господинъ и т. д.“... Начала собираться толпа, а городской сказалъ старику: „пожалуйте въ участокъ: тамъ разберутъ“... и повелъ всѣхъ трехъ въ участокъ, въ сопровожденіи любопытныхъ. „Дай десять рублей, отпущу“—въ полголоса сказалъ несчастный сынъ умирающей матери. „Я ничего ему не отвѣтилъ,—объяснялъ мнѣ мировой судья,—въ глазахъ у меня ходили какіе-то зеленые круги, ноги подгибались, въ ушахъ звенѣло одно

слово:—позоръ! позоръ!—а въ головѣ, когда я думалъ о семьѣ и о товарищахъ, мелькала мысль о самоубійствѣ. Такъ мы подошли къ участку. „Ну, давай хоть три рубля, чортъ съ тобой“.—Я молчалъ. Мы стали подниматься на лѣстницу. „Пожалуйте хоть рубликъ!“ Я отрицательно качнулъ головой, чувствуя, что готовъ зарыдать отъ этого дерзкаго надъ собой глумленія... Заявитель свистнулъ и чрезъ мигъ ни его, ни свидѣтеля около меня не было. „Идите съ Богомъ домой, господинъ“, сказала флегматично городской и пошелъ на свой постъ, а я сѣлъ на подоконникъ, внезапно ослабѣвъ и чувствуя, что теряю сознаніе...”

Къ концу дознанія картина организованнаго и смѣло осуществляемаго шантажа стала для меня настолько ясной, что я рѣшилъ вывернуть, такъ сказать, наизнанку сообщеніе градоначальника, обративъ обвинителей въ обвиняемыхъ—и предложилъ судебному слѣдователю приступить къ слѣдствію о мошенничествѣ и кражахъ этихъ „изъ молодыхъ да раннихъ“ вымогателей, вѣроятно къ немалому удивленію чиновъ сыскной полиціи, имя одного изъ которыхъ мелькало въ объясненіяхъ, данныхъ при дознаніи. Судебная Палата раздѣлила мой взглядъ, а присяжные признали всѣхъ ихъ виновными и даже не нашли ихъ заслуживающими снисхожденія.

Нужно ли говорить, какъ были необходимы именно личныя прокурорскія дознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны беззащитность дѣтей или беспомощность больныхъ лишала ихъ возможности принести жалобу и заставляла молча страдать отъ жестокаго или бездушнаго обращенія, а съ другой неосновательное или непродуманное вмѣшательство судебной власти въ сокровенныя стороны семейной жизни могло лишь бесплодно осложнить и усугубить тяжесть сложившагося для страждущей стороны положенія. Сколько трагическихъ признаній, горькихъ слезъ, безвыходнаго горя и мрачныхъ картинъ семейной жизни и такъ называемаго „супружескаго счастья“ видѣли и слышали стѣны моего прокурорскаго кабинета! Сколько разъ приходилось, начавъ дознаніе въ виду *возможности* будущаго слѣдствія, оставлять его безъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе сознанной *одними* своей неправомерности и жестокости, а *другими* выраженной готовности простить и забыть! Какъ нерѣдко грозное *quos ego!* обращалось въ успокоенное за обѣ стороны „миръ вамъ!“...

Вообще, при возбужденіи уголовныхъ преслѣдованій и я и товарищи мои держались строгой разборчивости въ оцѣнкѣ имѣвшихся данныхъ, не увлекаясь видимою, внѣшней убѣдительностью ихъ случайнаго иногда сцѣпленія между собою. Я помню лишь одинъ случай, когда пришлось пожалѣть о необдуманной поспѣшности одного изъ моихъ неудачныхъ товарищей, московскаго барпча съ

громкимъ именемъ, болѣзненное самолюбіе и обидчивость котораго были обратно пропорціональны его скуднымъ способностямъ и дѣловой неуравновѣшенности. Однажды, рано утромъ онъ явился ко мнѣ, нервно возбужденный и повидимому очень довольный собой. „Я провелъ всю ночь на слѣдствіи—заявилъ онъ мнѣ—такъ какъ на дняхъ получилъ анонимное письмо о томъ, что чиновникъ Т. живетъ со своей сестрой, а становой приставъ, на мое требованіе, донесъ мнѣ, что „поговариваютъ“. Считаю, что въ такихъ дѣлахъ надо дѣйствовать быстро, я далъ предложеніе слѣдователю и сегодня ночью мы туда, уже за городомъ, въ уединенно стоящую хибарку налетѣли и...“—„Застали ихъ *in flagranti*?“ спросилъ я.—„Н-нѣтъ,—но при нихъ живутъ дѣти,—одинъ даже трехмѣсячный, и эта женщина предерзко заявила, что дѣти ея незаконные, и такими въ метрикахъ записаны, а отъ кого они—она никому говорить не обязана. Это какая-то фурія! представьте, сначала она рыдала, прощаясь съ дѣтьми—мы ее отправили въ Литовскій замокъ—а потомъ схватила грудного и хотѣла разбить ему голову объ стѣну,—насилу вырвали“.—„Есть свидѣтели ихъ связи, очевидцы?—Н-нѣтъ!—Что же говорить онъ?—Да его мнѣ, признаться, жаль,—тихий такой, скромный, жалкій,—онъ служитъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Сенатѣ... Я впрочемъ уже написалъ оберъ-прокурору о его привлеченіи и его вѣроятно сегодня же уволятъ. Такъ онъ объяснилъ, что его сестра, по окончаніи института, поѣхала жить къ отцу, вдовцу-помѣщику, а у того дома цѣлый гаремъ и ее всячески унижали и преслѣдовали. Однажды, когда отцу показалось, что она за обѣдомъ непочтительно отвѣтила его „барской барынѣ“, онъ облилъ ее супомъ и надѣлъ ей миску на голову. Она ночью бѣжала и кое-какъ добралась до Петербурга, гдѣ служилъ, еще раньше выгнанный изъ дому за непочтеніе, братъ ея. Онъ ее пріютилъ, а отъ кого у нея дѣти, онъ не знаетъ и ее не спрашивалъ. Бѣдность у нихъ ужасная... — И это все, чѣмъ вы располагали, привлекая ихъ какъ обвиняемыхъ?—Н-да—все!“—Мнѣ пришлось сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы, не выдавая своего негодованія, объяснить этому представителю усердія не по разуму всю неумѣстную поспѣшность его дѣйствій, которыя онъ, повидимому, считалъ достойными особой похвалы. Но дѣло уже было сдѣлано, гнѣздо двухъ гонимыхъ судьбою несчастливцевъ разворочено и разорено, они осрамлены, упрятаны въ тюрьму, а дѣти, дѣти—брошены на произволъ судьбы... Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, по приведенному уже мною прекрасному выраженію Лабуле *la justice doit se defier de ses forces et craindre d'avoir trop raison*... Пришлось писать оберъ-прокурору, прося не увольнять Т. до разсмотрѣнія судебной

палатой вопроса о преданіи его суду—и рассказать все дѣло министру юстиціи. Супруга его, графиня Паленъ, приняла участіе въ злополучной женщинѣ и посѣтила ее въ Литовскомъ замкѣ, найдя ее въ состояніи отчаянія, доходящаго до изступленія. У нея пропало молоко, и товарищи прокурора, въ маленькую складчину, купили козу, которая, ради питанія младенца, также была подвергнута тюремному заключенію. Судебная палата прекратила слѣдствіе за недостаткомъ уликъ.

Меня лично укрѣпляло въ моей осторожности въ пользованіи правомъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, кромѣ уже приведенныхъ соображеній, еще одно особое воспоминаніе. Въ 1867 году въ Харьковъ при введеніи судебной реформы были назначены товарищами прокурора я и мой покойный другъ съ университетской скамьи, сынъ извѣстнаго московскаго профессора Сергѣй Ѳеодоровичъ Морошкинъ. Насъ связывали неизмѣнно всю жизнь, до его смерти въ 1900 году, не смотря на разность нашихъ темпераментовъ, самыя теплыя душевныя отношенія. Мы наняли общую квартиру, куда должна была, оправясь отъ недавнихъ родовъ, вскорѣ пріѣхать изъ Москвы жена Морошкина. Поселившись въ Харьковѣ нѣсколько ранѣе меня (я былъ сначала назначенъ въ Сумы), Морошкинъ, къ моему пріѣзду, уже успѣлъ рѣзко разойтись съ прокуроромъ суда, узкимъ и бездарнымъ человѣкомъ, относившимся съ затаенною завистью къ „московскимъ Демосѣенамъ“, какъ онъ насъ называлъ. Мы изучали вмѣстѣ Судебные Уставы, но часто расходились во взглядахъ на нѣкоторыя статьи и много, и горячо спорили, что обыкновенно привлекало особое вниманіе нашего общаго слуги, глупаго и чрезвычайно любопытнаго отставнаго улана, который даже спросилъ меня однажды—за что мы съ барономъ все бранимся?—Получивъ извѣстіе, что жена выѣзжаетъ въ Харьковъ, мой другъ собрался къ ней навстрѣчу. Какъ разъ въ день, предназначенный имъ для выѣзда—тогда до Тулы изъ Харькова надо было ѣхать на лошадяхъ—мы утромъ живо и громко поспорили, какъ сейчасъ помню, объ обязательности для слѣдователя вторичныхъ предложеній прокурора по одному и тому же предмету, а затѣмъ я хотѣлъ разставлять на полкахъ шкафа, при помощи нашего Емельяна, мою маленькую бібліотеку, но Морошкинъ, одержимый лихорадкой отъѣзда, потребовалъ, чтобы онъ шелъ немедленно за разными покупками, и взявъ его шутя за плечи со словами „иди! иди!“ вывелъ его за дверь передней и заперъ ее за нимъ. Мы остались одни. „А ты заявилъ прокурору о своемъ отъѣздѣ или взялъ кратковременный отпускъ?“ спросилъ я. „Ну вотъ еще! пойду я къ нему спрашивать—отвѣчалъ онъ—а вотъ

что:—надо взять револьверъ въ дорогу,—дай мнѣ пожалуйста твой,—мой вѣдь ты самъ называешь игрушечнымъ—и онъ шутя привѣсилъ къ поясу свою маленькую кобуру съ револьверомъ Лефосе, который служилъ болѣе для украшенія, чѣмъ для устрашенія. Я подалъ ему свой, чрезъ раздѣлявшій насъ ломберный столъ, предупредивъ, что пистолеть заряженъ. Онъ попробовалъ вдвинуть его въ кобуру и не замѣтилъ какъ при этомъ взвелся курокъ. Но я это ясно видѣлъ и только что хотѣлъ его предупредить, какъ онъ, со словами „нѣтъ! не входитъ“ приподнялъ револьверъ, чтобы возвратить мнѣ, но гладкая костяная ручка выскользнула у него изъ пальцевъ и револьверъ полетѣлъ на полъ, ударившись о край стола. Раздался выстрѣлъ, что-то меня какъ будто тронуло за лѣвый бокъ—и удушливый дымъ наполнилъ комнату. Сквозь него я увидѣлъ искаженное ужасомъ лицо Морошкина. Блѣдный, какъ полотно, онъ бросился ко мнѣ—„ты живъ?! живъ!?“ едва могъ онъ пролепетать. Когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что у моего домашняго сюртука съ лѣвой стороны какъ будто вырѣзана полоска сукна, а большая коническая пуля глубоко ушла въ стѣну сзади меня. Морошкинъ долго не могъ успокоиться и понять, какъ произошелъ выстрѣлъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ относясь къ моему разсказу о видѣнномъ самолично и думая, что я это говорю, чтобы оправдать ту неосторожность, въ которой онъ себя обвинялъ. „Послушай,—сказалъ я ему, невольно задумавшись надъ происшедшимъ,—а нѣтъ ли въ этомъ случаѣ, такъ счастливо окончившемся для насъ обоихъ, особаго смысла. Намъ предстоитъ прокурорская дѣятельность,—придется возбуждать уголовныя преслѣдованія, поддерживать обвиненія на судѣ. Какъ важно здѣсь избѣжать ошибокъ, увлеченій, односторонности!—какъ легко поддаться общему впечатлѣнію, не разбирая частныхъ, или наоборотъ сдѣлать изъ частныхъ послѣдствій выводъ,—какъ соблазнительно, сказавъ себѣ, что *вотъ* преступленіе и *вотъ* виновникъ, начать притягивать къ этому, не замѣчая логическихъ скачковъ, огдѣльныя данныя дѣла... Представь себѣ, что пуля прошла бы немного лѣвѣе. Она, по тому положенію, въ которомъ я стоялъ, могла попасть въ сердце и убить меня на мѣстѣ. Ты самъ послалъ бы или даже побѣждалъ, въ виду отсутствія Емельяна, за полиціей. Явилась бы она и судебный слѣдователь.—„Вы говорите, что это несчастный случай, но объясните, какъ же онъ произошелъ?—Не знаю, не понимаю...—Вы взвели курокъ?—тронули собачку?—Нѣтъ. И пистолеть самъ выстрѣлилъ?—Да! самъ.—Это вашъ револьверъ? Нѣтъ, убитаго... Почему же онъ былъ у васъ, а не у него?—Я уѣзжалъ и хотѣлъ его взять въ дорогу.—А у васъ былъ свой ре-

вольверъ?—Да былъ, вотъ этотъ, маленькій... Гмъ! А вы получили отпускъ? заявили прокурору объ отъѣздѣ? вы вѣдь уѣзжали на нѣсколько дней... Нѣтъ, не заявлялъ. Но кто-нибудь зналъ о нашемъ предполагаемомъ отъѣздѣ, напр. ваша супруга?—Нѣтъ, она не знала, я хотѣлъ ей доставить нечаянную радость встрѣчи"... Обращаются къ Емельяну. „Что жъ,—скажетъ онъ вѣроятно,—господа были хорошіе, только промежъ себя все бывало бранятся, когда по-русски, а когда, если видятъ, что слушаешь, такъ не по-нашему. И въ этотъ день съ утра страсть какъ бранились—все книжку какую-то смотрѣли, повернуть страничку и давай спорить; потомъ убитый баринъ хотѣлъ со мной книги разставлять, а другой говорить:—иди, иди за покупками, взялъ меня за руку и вывелъ за дверь передней, да и дверь заперъ"... Спрашиваютъ экспертовъ-оружейниковъ, и тѣ, конечно говорятъ, что пистолеть, если не взведенъ курокъ и не тронута собачка—самъ выстрѣлить не можетъ. Мало по малу у слѣдователя являются вполнѣ понятныя, сначала отрывочныя мысли: люди новые здѣсь, ихъ взаимныя отношенія неизвѣстны;—жили вмѣстѣ, но при совмѣстной жизни и затаенная вражда развивается сильнѣе;—выстрѣлъ почти въ упоръ, прямо въ сердце,—не могъ же револьверъ самъ выстрѣлить;—револьверовъ два—одинъ боевой, сильный, принадлежалъ убитому, но зачѣмъ-то онъ въ рукахъ у стрѣлявшаго;—хотѣлъ уѣзжать, однако гдѣ доказательства этого?—выстрѣлъ въ пустой квартирѣ, откуда настойчиво удаленъ единственный свидѣтель;—утромъ какіе-то раздраженные разговоры;—ужъ не умышленное ли убійство здѣсь, или не американская ли дуэль, прикрываемая довольно неискуснымъ разговоромъ о несчастной случайности?.. и т. д. *On va vite dans ce chemin!* И вотъ, въ одинъ прекрасный день этотъ слѣдователь или одинъ изъ замѣнившихъ тебя и меня товарищей прокурора, можетъ быть и самъ, столь ненавистный тебѣ, прокуроръ (вѣдь на дѣло было бы обращено исключительное вниманіе Министерства Юстиціи и печати, а въ мѣстномъ обществѣ толкамъ и цѣлымъ легендамъ не было бы конца) сказалъ бы тебѣ: „*послушайте, господинъ Морошкинъ, вы вѣдь занимали должность, требующую знакомства съ Уложеніемъ о наказаніяхъ, и мнѣ излишне вамъ напоминать, что собственное сознаніе всегда служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ, не исключаяющимъ даже и полного оправданія, особливо если потерпѣвшій самъ вызвалъ въ обвиняемомъ раздраженіе своими дѣйствіями. Конечно, это тяжело, но не думаете ли вы, что человекъ, готовившійся служить правосудію, выкажетъ уваженіе къ этому правосудію, дѣйствуя откровенно и не вступая съ нимъ, посредствомъ неправдоподобныхъ объясненій, въ борьбу, которая,*

къ сожалѣнію, не можетъ окончиться въ его пользу? Что если бы... подумайте-ка... Намъ больно вамъ сказать, но не скроемъ, что мы во всякомъ случаѣ, въ виду данныхъ слѣдствія, вынуждены привлечь васъ въ качествѣ обвиняемаго... и лишить васъ свободы"! Случай этотъ произвелъ на Морошкина сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ хранилъ всю жизнь пулю, съ трудомъ вытащенную изъ стѣны, и мы оба смотрѣли всю жизнь на происшедшее, какъ на таинственное предупрежденіе намъ обоимъ на порогѣ нашей обвинительной дѣятельности...

Былъ однако случай въ моей практикѣ, когда я сознательно поспѣшилъ съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія и даже вызвалъ этимъ опредѣленіе Правительствующаго Сената о передачѣ допущенныхъ мною отступленій отъ закона на усмотрѣніе Министра Юстиціи.—20 октября 1874 года я получилъ телеграмму, въ которой предсѣдатель Лужскаго уѣзднаго земскаго собранія отъ имени собранія извѣщалъ меня, что предсѣдатель уѣздной управы Анненскій,—о преступныхъ дѣяніяхъ котораго по должности мирового посредника мною была возбуждена еще за годъ предъ этимъ переписка съ губернаторомъ,—уличенный ревизіонною комиссіею въ растратѣ и присвоеніи свыше 14 тысячъ рублей земскихъ денегъ, скрылся изъ Луги. Вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію того же собранія, были мнѣ присланы и протоколы ревизіи, подтверждающіе содержаніе телеграммы, а начальникъ сыскной полиціи Путилинъ увѣдомилъ меня, что Анненскій проживаетъ безъ прописки въ Петербургѣ и судя по его дѣйствіямъ — выходу изъ дому лишь съ наступленіемъ сумерекъ и размѣну кредитныхъ билетовъ на золото—собирается скрыться за границу. На основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ передача на распоряженіе судебной власти дѣйствій предсѣдателя управы дѣлается по постановленію губернскаго земскаго собранія. Но такое собраніе должно было состояться лишь въ половинѣ декабря. Поэтому мнѣ предстояло — или оставить сообщенія уѣзднаго земскаго собранія безъ послѣдствій и пребывать молчаливымъ и равнодушнымъ зрителемъ обнаруженнаго у меня на глазахъ расхищенія земскихъ денегъ—или дѣйствовать энергично, имѣя въ виду, что рѣшеніемъ Сената по дѣлу Пересыпкина было разъяснено, что возбужденіе слѣдствія помимо начальства обвиняемаго въ случаяхъ, гдѣ по закону производство слѣдствія неизбѣжно (см. 1089 Уст. Уг. С.)—не составляетъ нарушенія правъ начальства, такъ какъ предварительное слѣдствіе не предрѣшаетъ вопроса о виновности, а лишь служитъ къ разъясненію дѣла. Я избралъ второй путь и предложилъ судебному слѣдователю Бѣлявскому (впослѣдствіи вице-директору таможеннаго департамента)

привлечь Анненскаго, который немедленно сознался въ растратѣ и подлогахъ, возвративъ значительную часть произведеннаго на него начета—и былъ, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, преданъ первымъ департаментомъ Сената суду палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей... Представляя Сенату о преданіи Анненскаго суду, земское собраніе сочло однако необходимымъ принести жалобу на нарушеніе мною его правъ, и Сенатъ, истолковавъ по новому свое рѣшеніе по дѣлу Пересыпкина, эту жалобу уважилъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что прокурору не предоставлено никакого участія въ охраненіи хозяйственныхъ интересовъ земства. Послѣднее конечно справедливо, но я, очевидно ошибочно, считалъ, что на меня была возложена обязанность охранять интересы общества своевременнымъ и цѣлесообразнымъ преслѣдованіемъ нарушителей закона, не занимаясь, по словамъ поэта, однимъ лишь „караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“... И судебная практика, и юридическая литература, и потерпѣвшіе отъ преступныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ давно уже вопіютъ о томъ, что между прокуроромъ и судомъ стоитъ всегда начальство виновныхъ, обыкновенно медлительное, а подчасъ и равнодушное до попустительства. Это больное мѣсто сознано, наконецъ, и законодательствомъ, и разсмотрѣнію Государственной Думы предлежитъ проектъ министра юстиціи, открывающій гораздо большее поле дѣятельности для обвинительной власти по дѣламъ о преступленіяхъ должности.

Когда наличность событія и преступная прикосновенность къ нему заподозрѣннаго бывала достаточно выяснена, прокуратура моего времени, начиная преслѣдованіе, уже не отдавалась никакимъ соображеніямъ о томъ, чье неудовольствіе это вызоветъ, не взирала на лица и на отголосокъ, который встрѣтятъ ея дѣйствія въ обществѣ и во вліятельныхъ кругахъ. Правило Молтке „erst wägen—dann wagen“ соблюдалось и нами. Имѣя достаточныя данныя, мы предлагали о привлеченіи заподозрѣннаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, не отодвигая этого *ad calendas graecas*. Съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ судебной практикѣ сталъ однако довольно часто встрѣчаться достойный осужденія приѣмъ по отношенію ко времени обращенія подозрѣваемаго въ обвиняемаго, приѣмъ, вызываемый, къ сожалѣнію, не заботою о томъ, чтобы поспѣшнымъ привлеченіемъ не повредить человѣку, который можетъ оказаться невиннымъ, а совсѣмъ другими цѣлями. Слѣдователемъ и прокуратурой въ этихъ случаяхъ руководитъ желаніе достигнуть *успѣха* обвиненія лишеніемъ заподозрѣннаго возможности защищаться, молчаливо и безпомощно видя и чувствуя, какъ куется противъ

него цѣлая цѣпь уликъ и доказательствъ, своевременно опровергнуть или иначе освѣтить которыя онъ лишенъ возможности. Обвиняемый, по закону, имѣетъ право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и при допросѣ свидѣтелей, которые только въ случаяхъ необходимости и то лишь *первоначально* допрашиваются въ его отсутствіе; онъ можетъ приносить жалобы суду на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее его права. И вотъ теперь зачастую, по дѣламъ особой важности, будущій несомнѣнный обвиняемый, противъ котораго уже есть вполне достаточныя данныя, допрашивается лишь какъ свидѣтель, иногда по нѣскольку разъ въ теченіе слѣдствія. Онъ знаетъ, что дѣло ведется о немъ, что допрашивается рядъ свидѣтелей, противъ которыхъ онъ могъ бы выступить съ возраженіями и опроверженіями, что производятся экспертизы, результатъ которыхъ отъ него скрытъ,—наконецъ, что, можетъ быть, слѣдствіе касается, вслѣдствіе плохого знанія слѣдователемъ гражданскаго права и процесса (такіе случаи бывали), чисто-гражданскаго дѣла, вовсе не подлежащаго разсмотрѣнію уголовнаго суда—и не можетъ жаловаться, такъ какъ онъ не *участвующее въ дѣлѣ* лицо, а простой свидѣтель. Легко себѣ представить, что переживаетъ такой псевдосвидѣтель, какіе ложные и опасные для себя шаги онъ дѣлаетъ „оглушенный шумомъ внутренней тревоги“ и измученный этой слѣдственной игрой „въ кошку и мышку“. А когда, наконецъ, его привлекаютъ въ качествѣ обвиняемаго, ему предъявляютъ сразу огромное производство, иногда въ нѣсколькихъ томахъ, а на обдумываніе возраженій противъ подавляющаго иногда количества данныхъ, содержащихся въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, даютъ весьма краткій срокъ, торопясь направить дѣло къ прокурору, который, получивъ слѣдственное производство, уже не обязанъ допускать обвиняемаго къ дальнѣйшему съ нимъ ознакомленію... Эта практика представляется особенно вредной въ виду недавно состоявшагося рѣшенія уголовнаго кассационнаго департамента (по дѣлу Лицкевича и др.), которымъ существенно поколеблено одно изъ основныхъ правъ подсудимаго, право *молчанія*, разрѣшеніемъ прочитывать показаніе, данное имъ слѣдователю, хотя бы онъ не былъ на это согласенъ. Судебная практика моего времени встрѣтила бы такое произвольное толкованіе одного изъ принциповъ новаго процесса съ недоумѣніемъ. При обвиненіяхъ на судѣ и я, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей старались не опираться на собственное сознаніе подсудимаго, даже сдѣланное на судѣ, и строить свою рѣчь такъ, какъ бы сознанія вовсе не было, почерпая изъ дѣла объективныя доказательства и улики, не зависящія отъ того или другого на-

строенія подсудимаго,—отъ его подавленности, нервности, желанія принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь въ меньшемъ, чѣмъ то, въ чемъ его обвиняють... Увы! *Tempora mutantur!*..

Осторожность въ привлеченіи вещь—необходимая. Это не только юридическое, но и нравственное требованіе. Но осторожность не должна быть смѣшиваема съ умышленною медлительностью, сводящею на ничто права обвиняемаго, подлежащаго рано или поздно неизбѣжному привлеченію. Медлительность, допускаемая слѣдователемъ Порфіріемъ Петровичемъ въ привлеченіи Раскольникова, находитъ себѣ оправданіе въ условіяхъ стараго слѣдственнаго порядка, когда присутствія обвиняемаго при дѣйствіяхъ слѣдователя (въ данномъ случаѣ—пристава слѣдственныхъ дѣлъ) вовсе не допускалось,—да и наконецъ, чтобы подражать Порфірію Петровичу, надо быть и психологомъ его калибра, т. е. калибра Достоевскаго.

Въ дѣятельности прокурорскаго надзора, какъ участвующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ, наблюдающаго за производствомъ слѣдствій и направляющаго дѣла съ обвинительными актами или заключеніями о прекращеніи слѣдствій—встрѣчается много вопросовъ, требующихъ всесторонняго обсужденія и разрѣшенія на почвѣ обдуманно выработаннаго взгляда, единообразно примѣняемаго каждымъ изъ чиновъ прокуратуры одного и того же Окружного суда. Ставъ во главѣ прокуратуры петербургскаго суда, я организовалъ общія собранія товарищей прокурора подъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ нихъ обсуждались разные, возникавшіе въ нашей дѣятельности, вопросы, по которымъ представлялись подробные доклады. Послѣ обмѣна мнѣній производилось голосованіе—и результатъ его, облеченный въ форму краткаго опредѣленія, сообщался мною циркулярно къ руководству по ввѣренному мнѣ надзору. У меня сохранились нѣкоторые доклады, сдѣланные въ этихъ общихъ собраніяхъ, напр. докладъ И. С. Денисьева по вопросу о толкованіи 1460 ст. Уложенія (сокрытіе матерью тѣла мертворожденнаго младенца),—К. И. Кесселя по вопросу объ обязательности для прокурорскаго надзора присутствія его членовъ въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія;—С. А. Андреевскаго по вопросу объ обязательности для слѣдователей предложеній прокурора;—С. Ф. Платонова по вопросу объ условіяхъ допущенія гражданскаго истца въ засѣданіе по уголовному дѣлу;—В. И. Жуковскаго о содержаніи и назначеніи обвинительнаго акта. Послѣдній докладъ—крайне обстоятельный и блестяще изложенный, былъ напечатанъ затѣмъ въ „Журналѣ уголов-

наго и гражданскаго права“. По поводу этого доклада въ „Кіевскомъ Словѣ“ 1899 года, въ некрологѣ Жуковскаго, бывшій мой товарищъ прокурора В. Г. Вильямсонъ писалъ: „я сошелся съ Владиміромъ Ивановичемъ въ періодъ незабвенныхъ дней 1871—75 г.г., когда во главѣ петербургской прокуратуры стоялъ А. Ѳ. Кони. Не могу безъ слезъ вспомнить это время, когда Судебные Уставы, не вызывавшіе тогда подчистокъ и помарокъ, служили всѣмъ намъ путеводною звѣздой. Прокуратура тогда жила единою тѣсною семьею. По инициативѣ прокурора были устроены въ его камерѣ вечернія засѣданія. На первыхъ порахъ они вызвали протестъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей прокурора и главнымъ образомъ В. И. Жуковскаго, находившаго безцѣльнымъ тратить время тамъ, гдѣ всѣ служебные вопросы могутъ въ концѣ концовъ разрѣшаться единоличною властью прокурора, но затѣмъ неудовольствіе улеглось, засѣданія возбудили во всѣхъ живѣйшій интересъ и о нихъ у всѣхъ сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе. На одномъ изъ нихъ Жуковскій прочелъ свой рефератъ, и я забыть не могу, какъ до поздней ночи, не проронивъ словечка, слушали мы его лекцію, которой могъ бы позавидовать любой юридическій факультетъ“.—Опираясь на положенія, выработанныя общимъ собраніемъ, товарищи прокурора представляли единообразныя заключенія въ распорядительныхъ и судебныхъ засѣданіяхъ, а я имѣлъ не разъ удовольствіе заявлять въ общемъ собраніи отдѣленій суда, что во мнѣніи своемъ я руковожусь постановленіемъ общаго собранія моихъ товарищей. Это не всегда и не всѣмъ нравилось... „Вы дали у себя конституцію“, говорили мнѣ, употребляя, быть можетъ не безъ задней мысли, запретное въ то время слово. „Да! — далъ“ — отвѣчалъ я спокойно, въ сознаніи, что ни обвинительная власть, ни правосудіе ничего не проигрываютъ отъ обращенія товарищей прокурора изъ механическихъ исполнителей распоряженій и циркуляровъ своего начальника въ связанныхъ общимъ обсужденіемъ и соглашеніемъ дѣятелей одинаго по цѣлямъ учрежденія.—Полезность такихъ общихъ собраній сказывалась и тамъ, гдѣ почему-либо требовался отъ лицъ прокурорскаго надзора отвѣтъ по поводу того или другого общественнаго явленія. Такъ въ 1874 году Министерство Юстиціи, начавшее хмуриться на судъ присяжныхъ и собирать данныя противъ него, потребовало отъ товарищей прокурора сообщенія свѣдѣній о числѣ оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными, и о причинахъ таковыхъ. Можно себѣ представить, какую разногласицу въ сообщеніяхъ могло бы вызвать это требованіе, сколько субъективнаго и односторонняго могло бы быть въ нихъ внесено—и какъ умѣли бы услужливыя канцелярскія руки

„разработать“ нѣкоторыя „причины оправданія“ во вредъ суду общественной совѣсти. Мы посвятили нѣсколько засѣданій нашего общаго собранія на выработку системы отвѣтовъ, и результатомъ нашего совѣщанія былъ мой циркуляръ, въ которомъ, находя необходимымъ причины оправдательныхъ приговоровъ отыскивать въ фактической обстановкѣ cadaго отдѣльнаго дѣла, не входя въ оцѣнку организаціи судебныхъ учрежденій и правильности дѣятельности ихъ отдѣльныхъ органовъ,—я просилъ моихъ товарищей искать этихъ причинъ въ выясненіи на судѣ свойствъ вмѣняемаго дѣянія въ личности и поведеніи потерпѣвшаго, въ личности и житейской обстановкѣ обвиняемаго, въ характерѣ побужденій къ преступленію,—во времени, протекшемъ со дня совершенія преступленія,—въ размѣрѣ строгости мѣръ пресѣченія, принятыхъ противъ обвиняемаго до суда, и въ несоотвѣтствіи карательнаго закона съ народнымъ или общественнымъ правосознаніемъ. Наконецъ и для правильности кассационной дѣятельности прокурорскаго надзора въ Петербургѣ эти общія собранія были весьма полезны, подвергнувъ не разъ тщательному обсужденію и критическому разбору тѣ нарушенія въ производствѣ дѣла на судѣ или въ примѣненіи закона, которыя, по мнѣнію присутствовавшаго въ засѣданіи обвинителя, могли послужить основаніемъ къ отмѣнѣ состоявшагося оправдательнаго приговора. Благодаря этому мы почти не знали оставленія нашихъ протестовъ Сенатомъ безъ уваженія и кассационному суду, признававшему во время двѣнадцати-лѣтней бытности моею его оберъ-прокуроромъ лишь 54% протестовъ правильными, не приходилось внушать намъ, что наши домогательства объ отмѣнѣ приговора лишены основаній, или построены на несущественныхъ нарушеніяхъ, а иногда и на разсужденіяхъ о существѣ дѣла, или, наконецъ, на нарушеніяхъ, которыя мы же сами допустили, не оградивъ своевременно своихъ правъ. Съ моимъ уходомъ изъ прокуратуры суда—эти общія собранія, къ сожалѣнію, прекратились...

Обращаясь къ *личностямъ* изъ прокурорскаго надзора, оставившимъ наибольшій слѣдъ въ моихъ воспоминаніяхъ, я прежде всего съ глубокимъ уваженіемъ останавливаюсь на прокурорѣ московскаго окружнаго суда конца шестидесятыхъ годовъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ *Громницкомъ*. При открытіи новыхъ судовъ въ Москвѣ прокурорскій надзоръ былъ составленъ довольно пестро. Въ него вошли изъ чиновъ старыхъ судебныхъ установленій и изъ Сената наиболѣе способные не только писать бумаги, но и тѣ, о комъ предполагалось, что они будутъ умѣть и говорить. Въ этомъ числѣ было нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ стараго порядка. Далекое не всѣ изъ нихъ оказались умѣющими „словомъ

твердо править“ и владѣть имъ въ сдержанномъ жару судебныхъ преній. Этому неумѣнью какъ бы противорѣчило случайное соединеніе фамилій товарищей прокурора (Костылевъ, Громницкій, Крушинскій), вызывавшее невольно представленіе о „карающей десницѣ“ правосудія. Между ними оказывались весьма добросовѣстные, но очень неудачные обвинители: *gute Leute, aber schlechte Musikanten*. Невольно вспоминается мнѣ одинъ изъ нихъ—высокій, статный и красивый представитель одной изъ юго-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, народностей. Ему пришлось обвинять по весьма несложному дѣлу. Поздно вечеромъ въ плохо освѣщенномъ, совершенно пустынномъ переулкѣ у прохожаго были сорваны часы. По звуку удалявшихся шаговъ бѣгущаго ограбленный пустился въ преслѣдованіе и вскорѣ наткнулся на человѣка, упавшаго, запнувшись за что-то на дорогѣ, и разбившаго себѣ носъ. На крикъ потерпѣвшаго сбѣжался народъ, и упавшій былъ торжественно отведенъ въ участокъ. Сорванныхъ часовъ ни при немъ, ни около него не нашли, но по справкамъ оказалось, что онъ уже не разъ судился у мировыхъ судей. Величавый красавецъ—товарищъ прокурора—составилъ обвинительный актъ и выступилъ его поддерживать на судѣ. „Господа присяжные!—воскликнулъ онъ:—виновность подсудимаго настолько очевидна, что доказывать ее значило бы злоупотреблять вашимъ временемъ. Поэтому я буду кратокъ и обращу ваше вниманіе лишь на три важныхъ обстоятельства: подсудимый сбѣжалъ, подсудимый упалъ, подсудимый разбилъ себѣ носъ. Въ справедливомъ негодованіи на дерзкое похищеніе вы оцѣните эти улики. Я кончилъ...“ Присяжные и оцѣнили: оправдали.

Одинъ изъ этихъ бывшихъ стряпчихъ не по примѣру своихъ товарищей сразу занялъ не только выдающееся, но и безспорно первое мѣсто въ рядахъ русской прокуратуры. Скромный, задумчивый и молчаливый, блѣдноликій, съ непокорными волосами и бородой—онъ какъ-то вдругъ, сразу—*sans crier gare*—выросъ на обвинительной трибунѣ, и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная желѣзной силой логики и блиставшая непревзойденною съ тѣхъ поръ суровой красотой скупого слова и щедрой мысли. Это и былъ Громницкій. Кто слышалъ въ свое время, сорокъ лѣтъ назадъ, этотъ ровный металлическій голосъ, кто вдумывался въ построеніе его рѣчи и испыталъ на себѣ эти неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звенья неразрывной цѣпи, тотъ не можетъ его позабыть. Сочетаніе силы слова съ простотою слова, отсутствіе всякихъ ненужныхъ вступленій и какого-либо паѳоса, спокойное въ своей твердости убѣжденіе и самое подробное изученіе и знаніе всѣхъ обстоятельствъ

и особенностей разбираемаго преступленія—дѣлали изъ его рѣчи то неотразимое „стальное копьѣ закона“, о которомъ говоритъ король Лиръ. Почти по всѣмъ большимъ и сложнымъ дѣламъ того времени, о которомъ я говорю, Громницкій выступалъ обвинителемъ, являясь не только достойнымъ, но и опаснымъ противникомъ талантливыхъ защитниковъ, которыхъ въ изобиліи выдѣляла изъ своей среды тогдашняя московская адвокатура. Иногда и самая случайная обстановка судебного засѣданія придавала особое значеніе его рѣчи. Я помню громкое дѣло студента Данилова, убившаго ростовщика и его служанку въ обстановкѣ, аналогичной съ описаніемъ Достоевскимъ преступленія Раскольникова и впоследствии сходной съ убійствомъ, совершеннымъ Ландсбергомъ въ Петербургѣ, при чемъ надо замѣтить, что Достоевскій написалъ свой романъ до преступленія Данилова, но напечаталъ его позже. По этому дѣлу, взволновавшему всю Москву, едва Громницкій всталъ, чтобы начать свою рѣчь въ залѣ суда, которую начинали окутывать раннія зимнія сумерки, совсѣмъ рядомъ, въ Чудовомъ монастырѣ, ударили къ вечернѣ, и звуки колокола съ такой силой влились въ залу, что прокуроръ могъ начать свою рѣчь, лишь когда прозвучалъ послѣдній ударъ колокола. Спокойствіе, безпристрастіе и привлекательная простота его пріемовъ оказывали несомнѣнное вліяніе на присяжныхъ. Это сказалось въ знаменитомъ процессѣ Матовыхъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ окрестностяхъ Москвы умѣло организованной шайки для поддѣлки кредитныхъ билетовъ. Подсудимыхъ было болѣе двадцати человекъ и столько же защитниковъ, такъ что засѣданіе происходило въ знаменитой ротондѣ московскаго сенатскаго зданія. Засѣданіе длилось много дней, и когда Громницкій всталъ, чтобы возражать своимъ противникамъ, всталъ и старшина присяжныхъ и отъ ихъ имени заявилъ предсѣдателю, что засѣдателя просятъ прокурора на утруждать себя возраженіемъ, такъ какъ они достаточно усвоили себѣ его обвинительную рѣчь.

Мнѣ не приходилось слышать особо выдающихся провинціальныхъ обвинителей, но мой сослуживецъ по Харькову Евгеній Федоровичъ де-Росси имѣлъ несомнѣнныя ораторскія свойства, доказанныя въ состязаніяхъ съ такими сильными защитниками, какъ Спасовичъ и Арсеньевъ. Этотъ прекрасный человекъ, проявившій въ званіи судьи и затѣмъ сенатора глубокое пониманіе судейскаго долга и широкій взглядъ на интересы истиннаго правосудія, въ свои обвинительныя рѣчи вносилъ, однако, нѣкоторую желчность, вызываемую, повидимому, свойствами его личнаго темперамента. Зато петербургская прокуратура обогатила меня многими живыми воспоминаніями. Не говоря уже о томъ, что прокурорами въ сто-

лицѣ назначались люди, выдающіеся своею юридическою подготовкою, какъ первый прокуроръ Шрейберъ, специально изучившій постановку обвинительной власти на западѣ, — или несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ, какъ Роде, или и тѣмъ и другимъ, какъ Баженовъ, — ряды товарищей прокурора настойчиво пополнялись всѣмъ, что можно было найти лучшаго въ провинціи, почему въ первое десятилѣтіе по введеніи реформы петербургская прокуратура могла мѣряться, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ корифеями петербургской адвокатуры. Министръ юстиціи графъ Паленъ и прокуроры—въ томъ числѣ и я—чутко прислушивались и, если можно такъ выразиться, „прислушивались“ ко всѣмъ слухамъ и вѣстямъ о талантливыхъ представителяхъ обвиненія въ провинціи, переводя ихъ при первой возможности въ Петербургъ. Конечно, при этомъ бывали невольныя ошибки и разочарованія и случалось, что „une célébrité du clocher“ какого-нибудь губернскаго города, дивившаяся—особливо въ первые годы судебной реформы—своему муравейникъ, оказывалась добросовѣстною посредственностью или любителемъ громкихъ фразъ, плохо скрывавшихъ жидкое содержаніе, лишенное анализа и системы. Когда въ прокуратурѣ петербургской судебной палаты игралъ вліятельную роль В. А. Половцовъ, онъ имѣлъ обычай, по соглашенію съ прокуроромъ окружнаго суда, назначать новичковъ, только что переведенныхъ въ Петербургъ, обвинителями по дѣламъ, въ которыхъ выступали защитниками болѣе или менѣе сильные противники. Веденіе такого дѣла на судѣ было своего рода экзаменомъ для провинціальной „знаменитости“ и лишь послѣ успешнаго выдержанія этого искуса, успешнаго, конечно, не въ смыслѣ непремѣннаго обвинительнаго приговора—относительно ново-прибывшаго говорилось *dignus est intrare*, и онъ зачислялся въ передовой рядъ боевой прокуратуры. Испыталъ это на себѣ и я, будучи переведенъ изъ Харькова въ Петербургъ на должность товарища прокурора. Половцовъ назначилъ меня обвинителемъ по дѣлу нѣкоего Флора Францева, обвинявшагося въ приготовленіи на убійство. Обвиненіе было построено на косвенныхъ уликахъ и отчасти на признаніи самого Францева, отъ котораго онъ на судѣ отказался. Я сказалъ рѣчь, которая на уровнѣ харьковскихъ требованій, предъявляемыхъ въ то время къ оратору, могла бы сама по себѣ, независимо отъ исхода, считаться сильной и, пожалуй, яркой. Но противникомъ моимъ былъ К. К. Арсеневъ, который тончайшимъ разборомъ уликъ, инымъ ихъ освѣщеніемъ и сочетаніемъ и житейской окраской отношеній между подсудимымъ и его предполагаемой жертвой, а также наглядною оцѣнкой приготовленнаго для убійства ножа—о чемъ мнѣ и въ голову не

приходило—разбилъ меня и все обвиненіе въ пухъ и прахъ. Урокъ былъ чувствителенъ и поучителенъ. Оставалось опустить руки и зачислить себя въ рядовые исполнители обвинительныхъ функцій или начать переучиваться и постараться воспринять новые для меня приемы и систему судебного состязанія... Я избралъ второе.

Въ Петербургѣ я засталъ еще нѣсколькихъ товарищей прокурора изъ времени первоначальныхъ назначеній. Между ними были оригиналы, которые понимали и примѣняли свое ораторское краснорѣчіе въ видѣ умѣнія сказать нѣсколько высиженныхъ не безъ труда и напряженія громкихъ и подчасъ произвольно комическихъ фразъ или представить суду грозную картину преступленія, тоже не лишнюю комизма по своей формѣ и содержанию. Таковъ былъ, напримѣръ, товарищъ прокурора В—ій, изъ бывшихъ секретарей Гражданской Палаты, который дебютировалъ обвиненіемъ одного мѣщанина въ нанесеніи тяжелой раны въ нижнюю часть живота своей возлюбленной, служившей кухаркой въ одномъ семействѣ. Зная, что ея хозяева не любили, чтобы она принимала у себя гостей, онъ вызывалъ ее обыкновенно по черной лѣстницѣ на чердакъ. Заподозрѣвъ ее въ невѣрности и распаленный ревностью, онъ, вызвавъ ее на чердакъ, въ то время, когда она хотѣла ему отдаться, нанесъ ей ножомъ жестокій ударъ. На судѣ онъ во всемъ сознался и горько каялся въ своемъ поступкѣ. Но В—ій нашелъ необходимымъ отгѣнить всю злостность послѣдняго и сказалъ присяжнымъ: „вы только представьте себѣ, господа, всю ужасную картину злодѣянія подсудимаго: онъ пришелъ къ любящей его женщинѣ, сдѣлалъ ей заманчивое предложеніе и, когда она довѣрчиво раскрыла свои объятія, то вмѣсто обѣщаннаго вонзилъ ей острый ножъ!“ Съ этого времени его перестали назначать обвинителемъ, а сдѣлали такъ называемымъ камернымъ товарищемъ для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ прокурорской камеры. Тамъ онъ и пребывалъ много лѣтъ, начиная свои письменныя сношенія „за прокурора“ съ оффиціальными мѣстами и лицами по разнымъ вопросамъ неизмѣнно со словъ: „опытъ показалъ, что“...

Другой товарищъ прокурора, почтенный старикъ, мрачно смотрѣвшій изъ-подъ нависшихъ бровей сквозь круглыя очки, которые во время рѣчи онъ подымалъ на лобъ, оказался вскорѣ по своемъ назначеніи непригоднымъ для обвиненій передъ присяжными засѣдателями, и его пришлось выпускать по дѣламъ о бродягахъ и о паспортныхъ нарушеніяхъ. Но и здѣсь онъ умѣлъ стать на высоту общихъ соображеній и, обвиняя какого-то несчастливца между прочимъ, и въ проживаніи по просроченному виду, сказалъ торжествен-

нымъ тономъ: „преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ кажется. При убійствѣ, при разбойномъ нападеніи, при поджогѣ—злая воля преступника напрягается единожды, и злое дѣло совершается. А затѣмъ, быть можетъ, наступаетъ и раскаяніе. Но здѣсь, господа, злая воля упорствуетъ и постоянно, въ самой себѣ почерпаетъ новыя силы, знаменуя свою закоренѣлость: день проходитъ, наступаетъ ночь и влечетъ за собою новый день и снова наступаетъ ночь, и опять восходитъ солнце, и съ нимъ для всѣхъ живущихъ наступаетъ новый день, а онъ все просрочиваетъ, все просрочиваетъ, все просрочиваетъ!“...

Несомнѣнными и большими, спеціально обвинительными дарованіями, между моими товарищами отличался покойный Владиміръ Ивановичъ *Жуковскій*, умный, блестяще образованный и опытный Мефистофель петербургской прокуратуры. Его сухая, чуждая всякихъ фразъ, пропитанная безпощадной ироніей, но всегда очень обдуманная и краткая рѣчь какъ нельзя болѣе гармонировала съ его жидкой фигурой, острыми чертами худого зеленовато-блѣднаго лица, съ ядовитою улыбкою тонкихъ губъ, рѣдкою заостренною бородкой и насмѣшливо приподнятыми бровями надъ косыми глазами, изъ которыхъ свѣтился недобрымъ блескомъ критическій умъ. Вкрадчивымъ голосомъ и рѣдкимъ угловатымъ жестомъ руки съ исхудалыми пальцами вилъ онъ обвинительную, нерасторжимо-логическую паутину вокругъ подсудимаго и, внезапно прерывая рѣчь передъ ея обычнымъ заключеніемъ, садился, судорожно улыбаясь и никогда не достаивая отвѣтомъ безпомощнаго жужжанія растеряннаго защитника. Лучшими его рѣчами за мое время въ Петербургѣ были рѣчи по дѣлу Маркварда, обвинявшагося въ поджогѣ своего застрахованнаго имущества, и по знаменитому дѣлу Овсянникова. Въ первомъ случаѣ подсудимый—содержатель сарептскаго магазина, открытіе котораго задолго подготовлялось замысловатыми рекламами, былъ преданъ суду судебной палатой вопреки заключенію прокуратуры о недостаточности уликъ (съ чѣмъ однако не былъ согласенъ *Жуковскій*), и былъ настолько увѣренъ въ своемъ оправданіи, что явился на судъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и, на предложеніе предсѣдателя давать объясненія на показанія свидѣтелей, только презрительно пожималъ плечами. *Жуковскій* произвелъ такое дѣйствіе своею рѣчью, въ которой шагъ за шагомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ прослѣдилъ возникновеніе, развитіе и осуществленіе преступнаго замысла обвиняемаго, что Марквардъ не только былъ обвиненъ, но присяжные даже отказали ему въ снисхожденіи. Рѣчь *Жуковскаго* по дѣлу Овсянникова была великолѣпна по житейской наблюдательности и по изображенію убѣжден-

наго въ своей безнаказанности миллионера, одинаково презиравшаго и находившуюся во власти его капитала „мелкоту“ и всякаго рода начальство, къ слабымъ сторонамъ котораго онъ хорошо изучилъ доступъ. Когда послѣ окончанія дѣла Овсянникова министръ юстиціи собралъ у себя лицъ, возбудившихъ дѣло, т. е. меня (хотя я былъ уже вице-директоромъ департамента Министерства Юстиціи), подготовившихъ его до суда, т. е. товарища прокурора Маркова и слѣдователя Книрима и проведшихъ это дѣло на судѣ, т. е. Жуковскаго, для передачи о томъ, что имъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія объ ихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ и трудахъ, вызвавшихъ обвинительный приговоръ противъ подсудимаго, который по своимъ средствамъ и связямъ считалъ себя стоящимъ на недосыгаемой для судебной власти высотѣ, Жуковскій остался вѣренъ себѣ и нарушилъ оптимистическое настроеніе ядовитыми словами: „да, мы вѣдь именно этимъ и отличаемся отъ администраціи: мы всегда бьемъ стоячаго, а она всегда лежачаго“. Этою мыслью онъ, вѣроятно, руководился и тогда, когда прокуроръ судебной палаты Лопухинъ потребовалъ отъ него принятія на себя обвиненія по дѣлу Вѣры Засуличъ. Ссылаясь на то, что преступленіе Засуличъ имѣетъ политическій характеръ и потому не подлежитъ обсужденію суда присяжныхъ, онъ заявилъ, что этимъ обвиненіемъ онъ поставитъ въ непріятное и даже трудное положеніе своего брата-эмигранта, проживающаго въ Женевѣ, и наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Бывъ, за этотъ отказъ, назначенъ товарищемъ прокурора въ Пензу, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ присяжные повѣренцы. Дѣятельность защитника была, однако, не по немъ, хотя онъ имѣлъ въ ней успѣхъ. Гораздо охотнѣе выступалъ онъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Тутъ онъ былъ совсѣмъ въ своей области, блистая остроуміемъ, находчивостью и умѣніемъ сводить высокое пареніе своихъ противниковъ на каменистую почву житейской прозы.

Противоположность Жуковскому составлялъ Сергѣй Аркадьевичъ *Андреевскій*, бывшій у меня товарищемъ въ Казани и Петербургѣ. Онъ тоже былъ выдающимся по своимъ дарованіямъ обвинителемъ, но совершенно въ другомъ родѣ. Мягкій и человѣчный, литераторъ и поэтъ въ душѣ, независимый и благородный въ своихъ ораторскихъ пріемахъ, онъ былъ на обвинительной трибунѣ однимъ изъ говорящихъ судей, никогда не забывавшимъ предписанія закона не извлекать изъ дѣла одни лишь обстоятельства, уличающія подсудимаго. Изъ всѣхъ моихъ товарищей онъ былъ наиболѣе склоненъ и способенъ оцѣнивать въ дѣяніи подсудимаго то, что итальянцы именуютъ непереводимымъ словомъ „ambiente“, что одновременно озна-

чаетъ условія, обстановку и среду того или другого явленія. Поэтому, когда за отказомъ Жуковскаго и ему было предложено то же самое обвиненіе, онъ поставилъ вопросъ о томъ, дозволено ли ему будетъ отозваться съ осужденіемъ о тѣхъ незаконныхъ распоряженіяхъ по дому предварительнаго заключенія, которыя вызвали, по словамъ Засуличъ, ея кровавый и преступный протестъ. Дозволенія этого, необходимаго, по мнѣнію Андреевскаго, для силы и достоинства самаго обвиненія—не послѣдовало, и онъ поступилъ по примѣру Жуковскаго, а затѣмъ, причисленный къ министерству, вышелъ въ отставку и вскорѣ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ петербургской адвокатурѣ.

Благодаря присутствію въ прокуратурѣ за мое время, кромѣ Жуковскаго и Андреевскаго, еще и такихъ образованныхъ, проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ не только къ буквѣ, но и къ духу Судебныхъ Уставовъ товарищей прокурора, какъ В. К. Случевскій, А. Ф. Масловскій, И. С. Денисьевъ, В. А. Желеховскій, Я. А. Плющевскій, В. Г. Вильямсонъ и А. А. Марковъ—представлялось возможнымъ специализировать обвинительныя функціи. Гдѣ нужно было отѣнить общественную сторону преступления—выступалъ Масловскій;—гдѣ играла роль бытовая обстановка и нужно было знаніе практическихъ условій народной жизни, выступалъ Плющевскій;—гдѣ являлась необходимость тщательной разработки уликъ и доказательствъ и стойкой борьбы за ихъ правильную оцѣнку—обвиненіе поручалось Желеховскому, Денисьеву или Маркову;—тонкій юридическій анализъ состава преступления, изложенный въ убѣдительной и проникнутой достоинствомъ формѣ, былъ обыкновенно связанъ съ появленіемъ на кафедрѣ В. К. Случевскаго. И въ гражданскихъ засѣданіяхъ суда прокуратура этого времени была представлена настолько сильно, что по отношенію къ ней обычный нынѣ упрекъ въ томъ, что она ничего не вноситъ своего въ разрѣшеніе дѣла и служитъ лишь напраснымъ отяготительнымъ привѣскомъ къ засѣданію—не былъ бы справедливымъ. Мои товарищи, предъявлявшіе заключенія по гражданскимъ дѣламъ, являлись представителями не только солиднаго знанія гражданского права и процесса, но и обладателями той „цивилистической“ складки мышленія, которая далеко не всегда бываетъ свойственна юристамъ по образованію. Область уголовного и гражданского права настолько обособлены—и въ преподаваніи, и въ практикѣ—что нерѣдко дѣятели въ одной изъ нихъ никакъ не могутъ приучить себя становиться на точку зрѣнія дѣятелей въ другой. Формальныя доказательства гражданскихъ правъ и процессуальныя условія ихъ оцѣнки съ трудомъ умѣщаются въ сознаніи криминалиста, при-

выкшаго, не стѣсняясь предустановленными правилами, оцѣнивать улики исключительно по внутреннему убѣжденію. Съ другой стороны истинный *цивилистъ* не безъ суевѣрной боязни принимаетъ на себя, въ случаѣ необходимости, изслѣдованіе и оцѣнку мотивовъ, побужденій и цѣлей тѣхъ или другихъ, подлежащихъ его обсужденію, дѣйствій, привыкнувъ обращаться къ толкованію *намыренія* лишь въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Я помню, какъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдательствовавшей въ консультаціи при министерствѣ юстиціи товарищъ министра О. В. Эссенъ съ тонкой улыбкой обращался къ младшему изъ членовъ консультаціи, имѣвшему репутацію выдающагося *криминалиста*, съ вопросомъ: „а вы, вѣроятно, не находите *достаточныхъ уликъ* для признанія за жалобщикомъ права собственности?“—Въ то время, о которомъ я вспоминаю, еще существовала превосходная школа для практиковъ-цивилистовъ: старые гражданскіе департаменты Сената. Исчезновеніе этой школы и отсутствіе въ нашемъ судебномъ устройствѣ начала *goulement* между личнымъ составомъ отдѣленій суда грозитъ оскудѣніемъ хорошо подготовленныхъ для гражданскихъ дѣлъ дѣтелей и возможностью нѣкотораго осуществленія того опредѣленія, которое ядовито давалъ нашимъ судьямъ покойный Лохвицкій, говорившій, что у насъ члены судовъ строго раздѣляются на криминалистовъ и цивилистовъ, при чемъ первыми считаютъ себя тѣ, кто *ничего не понимаетъ* въ гражданскомъ правѣ, а вторыми тѣ, кто тоже ничего не понимаетъ въ уголовномъ правѣ... Конечно, это чрезвычайно преувеличено, но тѣ, кому пришлось заниматься уголовною кассационною практикой, знаютъ, какъ часто въ дѣлахъ, гдѣ возникаютъ преюдиціальныя (предсудимые) вопросы, или преступленіе касается сдѣлокъ съ имуществомъ и договоровъ, чувствуется отсутствіе живого знакомства съ коренными началами гражданского права и процесса въ уголовныхъ судьяхъ.

Перейдя изъ Казани въ Петербургъ, я нашелъ, что заключенія по гражданскимъ дѣламъ предъявляетъ тотъ „камерный“ товарищъ В—ій, о которомъ я уже говорилъ выше, какъ обвинителѣ. Я пошелъ послушать его—и только руками развелъ... Когда, согласно докладу, дѣло было простое и несложное, заключеніе его тоже не было сложнымъ. „Полагаю въ искѣ отказать“ или „удовлетворить исковыя требованія“, говорилъ онъ внушительно, не утруждая ни себя, ни судей изложеніемъ мотивовъ,—и садился. Но если дѣло было спорнымъ или мало-мальски сложнымъ, онъ величественно поднимался и съ чрезвычайною серьезностью изрекалъ: „имѣю честь заявить суду, что къ разрѣшенію этого дѣла

со стороны прокурорскаго надзора препятствій не встрѣчается“, при чемъ его личное мнѣніе оставалось, говоря словами И. Ѳ. Горбунова, „покрыто мракомъ неизвѣстности“. Очевидно, что въ такомъ положеніи дѣло оставить было невозможно, и мнѣ удалось пріобрѣсти для предъявленія заключеній по гражданскимъ дѣламъ двухъ выдающихся цивилистовъ: С. Ѳ. Платонова и А. Л. Боровиковскаго, которые въ гражданскихъ отдѣленіяхъ петербургскаго суда были не „докучвыми собесѣдниками“, но желательными сотрудниками.

Съ *Боровиковскимъ* мы встрѣтились въ жизни еще весьма молодыми людьми: я—товарищемъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, онъ—начинающимъ адвокатомъ. Уже тогда и вслѣдъ затѣмъ въ должности товарища прокурора Симбирскаго окружнаго суда онъ заявилъ себя талантливымъ и знающимъ цивилистомъ. Несмотря на то, что въ мое время составъ гражданскихъ отдѣленій Петербургскаго окружнаго суда былъ превосходный по познаніямъ и опыту большинства входившихъ въ нихъ товарищей предсѣдателя и членовъ, Боровиковскій почти сразу послѣ своего перевода въ Петербургъ пріобрѣлъ среди нихъ не только общее уваженіе, но и авторитетъ. Къ его блестящимъ заключеніямъ судъ сталъ прислушиваться съ необычнымъ вниманіемъ, а самъ онъ сдѣлался въ юридическихъ и литературныхъ кругахъ популярнымъ человекомъ. Это объясняется тѣмъ, что все въ его натурѣ и дѣятельности литературно-юридической и учено-учебной (онъ былъ нѣсколько лѣтъ къ ряду преподавателемъ гражданскаго судопроизводства въ Новороссійскомъ университетѣ) стояло въ противорѣчій съ узко-формальнымъ и подъяческимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Слушая его заключенія въ судѣ и знакомясь впоследствии съ его взглядами, какъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента и члена различныхъ законодательныхъ комиссій, приходилось видѣть, какъ въ его устахъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. У насъ было время, когда звѣздами большой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать передъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ обыкновенно казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втолкнуть, болѣзненно и насильственно, въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ „духомъ хладныхъ скопцовъ“ и, восхищая подобныхъ

имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что „не человекъ для субботы, а суббота для человека“, и что слова одного изъ героев Щедрина: „по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано—ну и попался“—были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Это былъ человекъ оригинальный во всемъ, съ живой и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Русскій человекъ со всѣми его свойствами, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторой наружной небрежностью—онъ привлекалъ къ себѣ незлобивою, отсутствіемъ всякой ходульности, умѣніемъ искренно подсмѣиваться надъ самимъ собою и большою скромностью въ оцѣнкѣ своихъ способностей и трудовъ. Наши добрыя отношенія не прерывались до самой его смерти. Издавъ свою замѣчательную книгу „Отчетъ судьи“ въ 3 томахъ, онъ прислалъ мнѣ ее со слѣдующимъ посвященіемъ:

„Вы—жрецъ, а я дьячокъ, но Богъ у насъ одинъ,
(Митрополитъ въ дьячкѣ повиненъ видѣть брата).

Въ нашъ храмъ, украшенный отъ васъ вѣнкомъ изъ злата,
Несу и я свой даръ—кочокъ моихъ сѣдинъ“.

Назначеніе оберъ-прокуроромъ, вполне имъ заслуженное, очень его встревожило. „Я просто подавленъ смущеніемъ,—писалъ онъ мнѣ—достаточно ли мои силы и знанія для высокаго дѣла, на которое меня зовутъ? Для меня въ этомъ отношеніи было большимъ облегченіемъ узнать, что Вы относитесь съ сердечнымъ сочувствіемъ къ павшему на меня выбору. Если и Вы не считаете задачу превосходящею мои способности, то это поистинѣ окрыляетъ меня“...

Будучи „прирожденнымъ цивилистомъ“, Боровиковскій захотѣлъ однако испытать себя въ уголовномъ обвиненіи. Уголовный процессъ былъ ему достаточно знакомъ по его адвокатской дѣятельности въ Харьковѣ, словомъ онъ владѣлъ прекрасно, и я, согласно его желанію, назначилъ его обвинителемъ по дѣлу объ отравленіи женою ненавистнаго ей мужа подачею ему, пьяному, вмѣсто квасу кружки, наполненной мѣднымъ купоросомъ. Подсудимая говорила, что мужъ отравился самъ по неосторожности, съ пьяныхъ глазъ, перепутавъ кружки. Объясненіе это было не лишено правдоподобія, хотя вскрываемая злоба подсудимой противъ мужа и неоднократныя заочныя ея угрозы „показать себя старому пьяному чорту“, удостовѣренныя рядомъ свидѣтелей и говорили

противъ нея. Желудокъ отравленнаго, прожженный и проѣденный кислотою, находился въ банкѣ со спиртомъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Предсѣдательствовалъ бездарнѣйшій и тяжкодумный товарищъ предсѣдателя, стлчавшійся нелѣпою постановкою вопросовъ, за редакцію которыхъ обыкновенно стоялъ горою со всѣмъ упорствомъ самолюбивой ограниченности,—и не менѣе удачными руководящими напутствіями присяжнымъ. Тоска и злость брали слушать, какъ иногда, послѣ блестящихъ рѣчей сторонъ—послѣ Спасовича или Арсеньева—онъ начиналъ жевать свои „разъясненія“ и отрыгать эту жвачку въ безконечныхъ повтореніяхъ и неидушихъ къ дѣлу якобы юридическихъ примѣрахъ. Однажды, въ дѣлѣ о подлогѣ векселей, затянувшемся далеко за полночь, онъ сталъ, безъ всякой надобности и повода, объяснять присяжнымъ совершенно ясную разницу между заявленіемъ о подлогѣ и споромъ о недѣйствительности документа, да такъ объяснять, что я подъ конецъ самъ сталъ сомнѣваться, понимаю ли я эту разницу. Вотъ съ такимъ кормчимъ пришлось впервые плыть Боровиковскому между Сциллою и Харибдой обвиненія и защиты! Въ виду сомнѣнія въ наличности событія преступленія присяжнымъ долженъ былъ быть поставленъ прежде всего вопросъ о томъ, послѣдовала ли смерть потерпѣвшаго отъ даннаго ему съ умысломъ ядовитаго вещества. Отрицательнымъ отвѣтомъ присяжные признали бы наличность собственной неосторожности отравившагося. Но мудрый кормчій ухитрился поставить вопросъ въ такой лаконической формѣ: „умеръ ли N. N. отъ даннаго ему яда?“ Присяжные засѣдатели, повѣривъ объясненіямъ подсудимой и будучи обязаны отвѣчать утвердительно или отрицательно словами *да* или *нѣтъ*,—вынесли вердиктъ, гласившій на первый вопросъ: „нѣтъ!“ и оставили прочіе вопросы безъ отвѣта... Боровиковскій, не искусившійся въ томъ, какую важность имѣетъ въ уголовномъ процессѣ редакция вопросовъ, и потому не возражавшій своевременно противъ принятой судомъ, былъ ошеломленъ и пришелъ ко мнѣ, въ прокурорскій кабинетъ, совсѣмъ разстроенный. „Помилуйте!“ восклицалъ онъ, „что же это такое? Предо мною, возбуждая мое отвращеніе, стоитъ банка и въ ней какіе-то грязные лоскутья, бывшіе желудкомъ потерпѣвшаго, а присяжные мнѣ говорятъ: „нѣтъ! не умеръ“... Какъ вамъ нравится это *нѣтъ*?! Ужь увольте меня на будущее время отъ обвиненій: я участвовать въ воскрешеніи мертвыхъ не желаю“... И онъ снова погрузился въ любимую имъ область гражданскихъ дѣлъ.

А. Ө. Кони.

